

Е.К. Симонова-Гудзенко

Людмиле Михайловне Ермаковой 80 лет!

Аннотация. Статья посвящена юбилею одного из ведущих российских японоведов. Деятельность Людмилы Михайловны Ермаковой весьма условно можно разделить по географическому принципу на два периода — в России и в Японии, хотя она ни на день не прерывала своих связей ни с Родиной, ни со страной изучения. Удивление и восхищение вызывает огромный массив сделанного Ермаковой за годы — 250 книг, статей и других текстов. Хотелось бы подчеркнуть, что всю свою творческую деятельность она оставалась верна переводам и исследованиям древней японской литературы, верованиям и мифологии. Назовем лишь главные из ее трудов: перевод и комментарии «Кодзики» (2 свиток), «Нихонсёки» (1—16 свитки), «Норито. Сэммё», «Ямато-химэ моногатари» и многие другие. Исследовательские статьи, сопровождающие переводы и не только, составляют значительную и важную часть написанного Людмилой Михайловной. Особое место занимает двухтомник «Когда раскрылись Небо и Земля: Миф, ритуал, поэзия ранней Японии» (М.: Восточная литература. 2020). Хотелось бы пожелать Л.М. Ермаковой крепкого здоровья и активной творческой деятельности еще многие годы.

Ключевые слова: Япония, миф, ритуал, поэзия вака, «Кодзики», «Нихонсёки», буддизм, материковые влияния, японская культура.

Автор: Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор кафедры ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-1096-5669. E-mail: eksimonova@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Симонова-Гудзенко Е.К. Людмиле Михайловне Ермаковой 80 лет! // Японские исследования. 2025. № 3. С. 165—173.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-165-173.

Е.К. Simonova-Gudzenko

Liudmila Mikhailovna Ermakova turns 80!

Abstract. This article is dedicated to the anniversary of one of Russia's leading Japanologists. Liudmila Mikhailovna Ermakova's work can be divided into two periods based

on geography: in Russia and in Japan, although she never severed her ties with either her homeland or the country she studied. The enormous body of work produced by Ermakova over the years — 250 books, articles, and other texts — is a source of wonder and admiration. It should be emphasized that, throughout her creative career, she remained faithful to translations and research on ancient Japanese literature, beliefs, and mythology. Let us name only the most important of her works: the translation and commentary on the *Kojiki* (Vol. 2), the *Nihon Shoki* (Vols. 1—16), the Norito prayers from the *Engishiki* code and the *Senmyo* imperial edicts of the *Shokunihongi* chronicle, *Yamato-hime-no Mikoto Seiki* (The Life Story of the Devoted Princess Priestess), and many others. Research articles, including accompanying translations and more, constitute a significant and important part of Liudmila Mikhailovna's writings. A special place is occupied by the two-volume work *When Heaven and Earth Opened: Myth, Ritual, and Poetry of Early Japan* (Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2020). We wish L.M. Ermakova good health and many more years of active creative work.

Keywords: Japan, mythology, rituals, *waka* poems, *Kojiki*, *Nihon Shoki*, Buddhism, continental influences, Japanese culture.

Author: Simonova-Gudzenko Ekaterina K., Professor of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., 125009 Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0003-1096-5669. E-mail: eksimonova@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Simonova-Gudzenko, E.K. (2025). Lyudmila Mikhailovne Ermakovoi 80 let! [Liudmila Mikhailovna Ermakova turns 80!]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 3, 165—173. (In Russian).

DOI: 10.55105/2500-2872-2025-3-165-173.

Совершенно неожиданно оказалось, что близится 80-летний юбилей Людмилы Михайловны Ермаковой! Люся, как мы, друзья, зовем ее, и сегодня, такая же молодая, легкая, подвижная, веселая, всегда готовая помочь любому, кто бы не обратился с проблемой или вопросом, будь то студент или профессор.

Сегодня вряд ли можно найти япониста, который бы не знал имя Ермаковой, не читал ее книг, переводов, статей.

Пытаясь следовать законам жанра, предполагающего представить портрет творческой деятельности Людмилы Михайловны, я столкнулась с несколькими трудностями, главная из которых, неисчислимое множество сделанного ею. Сама она свои научные интересы определяет следующим образом: «фольклор и мифология, ранние японские верования и становление религиозного сознания, мифологические своды и ритуальные тексты японской древности, становление раннесредневековой японской литературы и японской поэтической традиции, литературная теория и японские поэтические трактаты раннего средневековья, проблемы сравнительной культурологии и взаимные проекции японской и русской культур в прошлом и настоящем». И это, не считая переводов современной японской литературы и критических статей с ними связанных, а также эссе на различные интересующие автора темы. Количество написанных ею текстов составляет огромное число — около 250! Поэтому любому, кто решился писать

очерк сделанного Людмилой Михайловной трудно соответствовать широте интересов именинника, да и подобной работоспособности. Не говоря о том, что нужно обладать тем же или, по меньшей мере, сопоставимым объемом литературоведческих и японоведческих знаний, которыми обладает Людмила Михайловна. Взявшись за данный очерк, могу с той или иной степенью уверенности отвечать лишь за часть культурологических и исторических японоведческих сведений, которыми владею. У меня нет и того переводческого дара и опыта, которым обладает Людмила Михайловна. Попробую написать лишь об отдельных направлениях и произведениях юбиляра, которые, на мой взгляд, наиболее ярко показывают широту знаний и литературные способности Л.М. Ермаковой.

Начать логично с переводов на русский язык древних японских письменных памятников, переводов Людмилы Михайловны, благодаря которым многие тогда узнали, да и до сегодняшнего дня могут почерпнуть из ее переводов и комментариев к ним множество данных о древней Японии, ее словесности, верованиях и культуре.

Л.М. Ермакова блестяще демонстрирует известное нам со студенческих времен положение, что основой любого гуманитарного исследования должен быть источник, и в первую очередь, письменный. Вводя в научный оборот на русском языке «Норито. Сэммё», «Кодзики», «Нихонсёки», «Ямато моногатари», Л.М. Ермакова убедительно показывает, что именно и только письменный источник является ключом для понимания многочисленных аспектов культуры.

В своих переводах, поднимаясь по шкале времени, она знакомит всех интересующихся японской культурой с примерами древней словесности — молитвословиями *норито* и императорскими указами *сэммё*; с мифо-летописными сводами — Кодзики и Нихонсёки; с прозо-поэтической повестью «Ямато-моногатари» (X в.), ярким представителем жанра *ута-моногатари* («повествование о песнях») периода Хэйан (IX—XII вв.). Думается, что выбор этих произведений для перевода, в частности, демонстрирует стремление Людмилы Михайловны показать нам процесс формирования японской литературно-поэтической традиции как основы формирования японской культуры. Именно этот ключ открывает одну из главных особенностей японской культуры, её полицентризм, поддержанный географической составляющей, островным расположением и горным ландшафтом.

Каждый перевод предваряет подробное предисловие-исследование, в котором освещается не только история списков памятника, его особенностей, но и история, условия возникновения текстов. Уже в них Людмила Михайловна поднимает важнейшие вопросы японской культуры.

Норито и *сэммё*, выбранные ею в качестве объекта для перевода, показывают, что одна из проблем, интересующих переводчика, это каким образом, из каких пластов складывался японский литературный язык. Возможно, поэтому переводы древних текстов она начинала именно с *норито*, в которых запечатлен архаический японский язык, не испытавший еще иностранных влияний. Людмила Михайловна пишет: «Пожалуй, их можно считать наименее затронутыми континентальным влиянием по сравнению с другими ранними памятниками японской словесности, историческими и официальными документами. Вместе с песнями

кагура, исполняемыми во время *ками-асоби*, «игрищ богов», они, вероятно, и составляют наиболее древний пласт в круге свидетельств об архаической культуре Японии, выраженных словом» [Ермакова 1991, с. 13].

Мифологический свод «Нихонсёки» представляет собой не просто последовательный рассказ о появлении мира, а многослойный рассказ, когда один сюжет рассказывается авторами в нескольких версиях, от двух до одиннадцати. Можно предположить, что первоначально версии сюжета представлялись в разных, родовых хрониках. Хотелось бы подчеркнуть, что именно Людмила Михайловна в современном отечественном японоведении особое внимание уделяла родовым хроникам, не только как источникам истории того или иного рода, но и как хранителям традиций островной словесности. Она познакомила российскую научную общественность с некоторыми малоизвестными трудами крупнейшего японоведа Н.А. Невского, в частности, с хроникой рода Имибэ «Когосюи» [Ермакова 1996b], а в последние годы перевела хронику китайских эмигрантов рода Хата [Ермакова 2023a, с. 203—213], а также рода императорских стольников Такахаси [Ермакова 2022, с. 548—559] и придворных гадалелей Урабэ [Ермакова 2023b, с. 130—180]. Таким образом, сегодняшние молодые японоведы могут прочитать не только официальный государственный мифологический свод, но и тексты, которые составлялись жителями японских островов и со временем составили неотъемлемую часть ее древней культуры, и увидеть какие письменные источники японская культура сохранила до нашего времени.

И в исследовательских статьях, и в предисловиях к переводам она предлагает собственные теоретические идеи и разработки. Некоторые такие темы Л.М. Ермакова развивает многие годы. Например, впервые явление *куними* — «смотрение страны с высокого места» она определяет «как разновидность воздействия на объект с целью его стабилизации и умирения или же наделения силой» [Ермакова 1991, с. 27], о той же важной концепции она упоминает и в других своих исследованиях, а наиболее полную характеристику явления представляет в работе «Мифологема взгляда», напечатанной в первом томе двухтомника «Когда раскрылись небо и земля»: «По-видимому природа мифологемы взгляда такова, что в ней участвуют силы обоих миров, и видимого и невидимого... В новое время ритуальная сторона *куними*, направленная на обеспечение стабильности и процветания, постепенно ослабевает и сам обряд трансформируется в обычай и предстает как род эстетического созерцания (или как принято переводить «любования») [Ермакова 2020, т. 1, с. 244].

Людмила Михайловна верна своей приверженности изучению древней японской словесности. В предисловии к переводам *норито* и *сэммё* она пишет: «...тексты, которые здесь собраны, являют собой островки старояпонской речи в памятниках, написанных почти целиком по-китайски. Будучи ритуальными по характеру и назначению, эти тексты во многих своих повторяющихся формулах, безусловно, сохраняют определенные черты архаического мировоззрения и адекватных ему речевых структур, достаточно древних с точки зрения истории языка» [Ермакова 1991, с. 10].

Ее замечательные переводы из мифологических сводов демонстрируют не только осведомленность о характере и типологических связях того или иного ми-

фологического сюжета, но и глубокое знание теоретических основ фольклористики и мифологии, а ее языковая одаренность предполагает свободное владение родным русским языком, иначе переводы, одновременно точные и легко читающиеся, вряд ли бы состоялись.

Кроме названных переводов, Ермаковой сделаны еще и многие другие, относящиеся к древности и средневековью, а также написано множество аналитических статей по истории ранних верований, поэтике, мифологии, фольклору и многим другим аспектам японской культуры.

В одном из своих ранних исследований, предваряющих перевод «Норито. Сэммё», Л.М. Ермакова ставит проблему, что же такое, в сущности, синтоизм. Вопрос научного определения синто остается нерешенным до сегодняшнего дня, сохраняя свою актуальность на протяжении последних десятилетий. Если в исследовании «Норито. Сэммё» Людмила Михайловна лишь с осторожностью употребляет слово «синто» и «синтоистский», то уже в исследовании, предваряющем перевод «Нихонсёки», уделяет этому понятию большое внимание. Она пишет: «...употребляя здесь термин синто, мы не подразумеваем нечто доктринально определенное, существовавшее в более или менее постоянном виде от древности и поныне, и тем более синтоизм. Словом синто будет условно именоваться совокупность верований, реконструированных по письменным памятникам периода Нара и ряду других источников предшествующего периода, и отличающаяся по набору богов и принципиальному характеру от буддийской мифологии, независимо от того могут ли эти боги и мифологические мотивы, в конечном счете, быть возведены к даосизму, китайской мифологии, практике Инь-Ян, номадическим культам Восточной Азии и т. п.» [Ермакова 1997, с. 27].

Блестящим показателем исследовательской, переводческой и литературоведческой деятельности Людмилы Михайловны является вышедший в 2020 г. двухтомник. Первый том двухтомника — исследования, второй — переводы. Двухтомник необыкновенно элегантно оформлен. Наша признательность художнику, Дмитрию Черногаеву. Автора также хотелось бы поблагодарить, ведь, и он принял участие в оформлении.

Первый том посвящен теоретическим работам, а второй — переводам и исследованиям текстов. Со многими из вошедших в книгу работ автора мы как будто уже знакомы, однако теперь они подверглись переосмыслению и обновлению, многое в переводах уточнено и исправлено, а собранные вместе, под одной обложкой, эти работы зазвучали более ярко, как песни-переключки, о которых Людмила Михайловна пишет в 6 главе «О типологии песенных переключек» в первом томе двухтомника «Когда раскрылись Небо и Земля» (изд. Восточная литература, 2020). Хочется отметить один из ее переводов — «Норито», который лишь выиграл от изменения презентации, когда комментарии представлены не в конце перевода всего комплекса молитвословий, как было в первом издании, а после каждого *норито*, что значительно облегчает понимание, особенно при первом прочтении.

Поднятые в этих двух томах исследования теоретические проблемы вступают в переключку, пересекаются, расширяют, раскрывают содержание древних текстов. Замечательно, что они изданы вместе, теперь японоведение получило уни-

кальную возможность не только познакомиться с ранними японскими письменными текстами в переводах одного из лучших российских ученых-японистов, но и увидеть, как осуществляется исследовательская работа над ними.

Особо хотелось обратить внимание, на редкое свойство Людмилы Михайловны — ее умение протягивать связующие нити во времени и пространстве между разными периодами и культурами.

К сожалению, сколько-нибудь семестровых курсов Людмила Михайловна на нашей кафедре не вела, о педагогической деятельности могли бы рассказать ее японские студенты, но даже те редкие единичные лекции, что она читала у нас во время своих регулярных, но недолгих приездов в Москву, запомнились и студентам, и нам. Все мы, преподаватели, всегда слушали ее с нескрываемым удовольствием. Мы узнавали не только много нового по теме выступления, но еще черпали уникальные сведения о современной японской историографии, литературе, которые не обнаружишь ни на каких сайтах.

Так, например, событием стали прочитанные ею лекции «Мифологемы ветра и грома в японской культуре от богов-громовиков до Огата Корин», «Гадательные практики в древней Японии», а до них было еще много других на не менее интересные темы.

Некоторые из сюжетов, услышанные на лекциях Людмилы Михайловны, прочитанных в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, в двухтомнике можно прочитать в виде статей. Так, например, неожиданная версия сотворения мира бакланом, «Японский «ныряльщик за землей» [Ермакова 2020, т. 1, с. 97—114]. В статье автор представляет более подробную аргументацию возможно сохранившегося осколка общемирового мифологического мотива ныряльщика за землей, первоначально распространенного «где-то в пределах Индии — Тибета — западных районов Китая». Л.М. Ермакова подробно рассматривает возможное движение мотива из Восточной Азии в Северную Америку и Евразию. «В соответствующих мифах ныряльщиком была черепаха, и после добывания земли со дна моря она служила опорой возникшей суши». Сразу на память приходит известный с детства сюжет, что земля покоится на трех слонах и черепахе. Далее автор обоснованно показывает, как «по мере распространения этого мифа в Северной Евразии образ черепахи был вытеснен образом водоплавающей птицы. ... Ранние мигранты в Америку принесли с собой сначала южно-центральноазиатскую (с черепахой), а затем и сибирскую (с птицей) версии мифа». В сюжете «Кодзики» «о чудесном баклане — «ныряльщике за землей» воспроизводится основной цикл сотворения мира с его главными космогоническими стадиями — добывание земли, получение огня трением, осуществление обжига и изготовление керамической посуды для жертвоприношений» [Ермакова, т. 1, с. 114].

Особо хотелось бы выделить главу 8 первой части «Ветер как миф и как фактор ранней японской литературы». Как и рассказ о баклане — «ныряльщике за землей», сюжет о мифологеме ветра я тоже слушала в виде лекции, и еще фрагментарно в форме доклада-комментария к свитку Огата Корин «Бог ветра и бог грома» на выставке «Шедевры живописи и гравюры эпохи Эдо» в ГМИИ имени А.С. Пушкина в 2018 г. Написанный вариант много подробней устных версий. В статье скрупулезно рассматриваются толкования иероглифа 風 (ветер), а также

«значение в Японии китайского понятия 風土 (*фудо*, букв. «ветер и земля»), т. е. соединение ветров и поветрий с данной местностью, что обычно понимается как все мыслимые характеристики в их совокупности». Интересно наблюдение о пространственной ориентации по сторонам света, которая была воспринята в Японии из Китая с давних времен, «однако в японской мифологической таксономии не закрепилось понятие богов ветра восьми или четырех направлений». Более того, указание на ту или иную сторону света в названии ветра отнюдь не означает, что ветер в действительности связан с указанным направлением. Как у островного народа, в японском языке, особенно вдоль побережья Японского моря, зафиксировано много «слов, определяющих конкретные особенности ветра и возникших в связи с морской навигацией» (считается, что около 250). В статье подробно рассматриваются функции ветра и как посредника, и как канал передвижения между мирами, не говоря о том, что ветер приносит дождь и плодородие. Особое место автор уделит иконографии ветра. Подобно другим сюжетам, подробно рассматриваются истоки иконографии в антропоморфном облике с древнегреческим «мешком ветров» за спиной, описано движение этого образа божества с запада на восток, в Японию — через эллинистическое искусство Гандхары, монеты Кушанского царства, фрески Дуньхуана. Подобно другим сюжетам, подробно рассматриваются истоки иконографии в антропоморфном облике с «мешком ветров» за спиной, параллели с Древней Грецией, Кореей и другие, тонко подмечено движение божества с запада на восток, как «двигался» образ.

В третьей части первого тома двухтомника, скромно названной «Этюды и очерки», мне хочется отметить, по меньшей мере, две важные работы. Это — «Этнографические заметки» и Энциклопедический очерк истории японской литературы. В этнографических заметках Л.М. Ермакова рассказывает о примере нового религиозного культа, из числа тех, что появились в современной Японии, культ странного божества Поккури как «божества модного поветрия». Казалось бы, подобный рассказ не предполагает глубокого анализа современной религиозной ситуации, однако лаконично и, как всегда, точно и четко автору удалось нарисовать сложную многосоставную картину верований современных японцев.

Когда я читала эту статью, во мне заговорил преподаватель с многолетним стажем. Ведь эти несколько страниц могли бы составить часть прекрасного учебного пособия по современной культуре Японии. Не говорю уже об Очерке истории японской литературы — это уже готовое пособие. Все это делает скромную третью часть не менее значимой и важной, чем «ученые» первые две. Дальше моя мысль преподавателя уже разгулялась сама по себе, и мне подумалось, что практически во всех статьях, во всяком случае во вступлении к каждой части книги, помимо четко сформулированных конкретных проблем японской мифологии, ритуала или ранней поэтики есть страницы, посвященные истории вопроса, основанные на самых новейших исследованиях японских и западных ученых, а еще есть почти обязательные экскурсы в современность, рассказывающие о сохранности и/или проявлении рассматриваемого явления или обычая в современной японской культуре. Чем не учебное пособие?

Последние 30 с лишним лет Людмила Михайловна живет и работает в Японии. В лучших традициях российских востоковедов прошлого, работавших за ру-

бежом, она занимается не только своей главной темой — ранней японской словесностью и верованиями, она также знакомит японцев с русской культурой, исследует и пишет работы на межкультурные темы. Из этих тем назову лишь несколько: «Япония и Восточная Азия в круге чтения А.С. Пушкина», первые русские переводы средневековой повести «Такэтори-моногатари», разыскания о жизни и деятельности российского японоведа начала XX в. Г.Г. Ксимидова и многое другое. Эти ее статьи собраны в книге «Российско-японские отражения. История, литература, искусство», изданной в 2020 г. издательством «Восточная литература».

Надо сказать, что в полевых условиях страны изучения она, используя новые возможности, с первых дней своего пребывания в Японии и донныне открывает все новые черты японской словесности и культуры и знакомит с ними нас, ее соотечественников.

Хочется пожелать Людмиле Михайловне много сил, крепкого здоровья, сохранения на долгие годы присущей ей способности с большим интересом и добротой смотреть на мир. И поднимаем в ее честь бокалы вина!

Библиографический список

Ермакова Л.М. Когда раскрылись Небо и Земля. Миф, ритуал, поэзия Древней Японии. М.: Наука. 2020. Т. 1. Исследования.

Ермакова Л.М. Н.А. Невский — этнограф. Вступительная статья к публикациям работ Невского по этнографии и религиям Японии. Комментарии к переводу Н.А. Невского «Когосюи», а также к этнографическим статьям. — Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение». 1996. С. 301—325.

Ермакова Л.М. Новый изборник записей о предсказаниях [на панцире] черепахи. Исследование и перевод. Японские древности (историко-правовые исследования). Екатеринбург: УГЮУ. 2023. С. 130—180.

Ермакова Л.М. Социогенез и этнократия в мифических нарративах Нара — Хэйан (исследование); Свод записей подлинной генеалогии рода Хата (перевод.) // *История и культура Японии 15*. Orientalia et Classica. Труды Института классического Востока и античности. Москва: Изд. дом ВШЭ. 2023. С. 203—213.

Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток Второй / перевод, исследования и комментарий Ермаковой Л.М. Санкт-Петербург: Шар. 1994.

Летопись рода Такахаси: текст и миф. Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история / перевод, комментарий Ермаковой Л.М. Екатеринбург: Альфапринт, 2022. С. 548—559.

Нихон сёки. Анналы Японии. Свитки 1—16 / перевод, исследования и комментарий Ермаковой Л.М. СПб.: Гиперион. 1997. Т. 1.

Норито. Сэммё / перевод, исследование и комментарий Ермаковой Л.М. М.: Наука. 1991.

References

- Ermakova, L.M. (1991). *Norito. Semmyo. Perevod, issledovanie, kommentarii* [Norito. Senmyo. Translation, Research, and Commentary]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (1994). *Kodziki. Zapisi o deyaniyakh drevnosti. Svitok Vtoroi. Perevod, issledovaniya i kommentarii* [Kojiki. Records of Ancient Deeds. Scroll 2. Translation, Research, and Commentary]. Saint Petersburg: Shar. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (1996). N.A. Nevskii — etnograf. Vstupitel'naya stat'ya k publikatsiyam rabot Nevskogo po etnografii i religiyam Yaponii. Kommentarii k perevodu N.A.Nevskogo «Kogosyui», a takzhe k etnograficheskim stat'yam [N.A. Nevsky — Ethnographer. Introduction to the Publication of Nevsky's Works on the Ethnography and Religions of Japan. Comments on the Translation of *Kogoshui* by N.A. Nevsky and on His Ethnographic Articles]. In *Oriental Studies*, Issue 8. Saint Petersburg: Center "Peterburgskoe Vostokovedenie". (In Russian).
- Ermakova, L.M. (1997). *Nihon shoki. Annaly Yaponii. Svitki 1—16. Perevod, issledovaniya, kommentarii* [Nihon Shoki. Annals of Japan. Scrolls 1—16. Translation, Research, and Commentary], Vol. 1. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (2020). *Kogda raskrylis' Nebo i Zemlya. Mif, ritual, poeziya Drevnei Yaponii* [When Heaven and Earth Opened. Mythology, Ritual, Poetry of Ancient Japan], Vol. 1. Moscow: Nauka. (in Russian).
- Ermakova, L.M. (2022). Letopis' roda Takakhasi: tekst i mif [Chronicle of the Takahashi Clan: Text and Myth]. In *Drevnyaya Yaponiya v Vostochnoi Azii: arkheologiya, mifologiya, istoriya* [Ancient Japan in East Asia: archeology, mythology, history] (pp. 548—559). Ekaterinburg: Alfaprint. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (2023a). Sotsiogenez i etnokratiya v mificheskikh narrativakh Nara — Kheian (issledovanie); Svod zapisei podlinnoi genealogii roda Khata (perevod) [Sociogenesis and Ethnocracy in the Mythical Narratives of Nara-Heian; Collection of Records of the Authentic Genealogy of the Hata Clan. Translation]. In *Istoriya i kultura Yaponii 15. Orientalia et Classica. Trudy Instituta klassicheskogo Vostoka i antichnosti* [History and Culture of Japan 15. Orientalia et Classica. Studies of the Institute of Classical Orient and Antiquity] (pp. 203—213). Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Ermakova, L.M. (2023b). Novyi izbornik zapisei o predskazaniyakh [na pantsire] cherepakhi. Issledovanie i perevod [New Collection of Records of Divination [on a Turtle] Shell. Research and Translation]. In *Yaponskie drevnosti (istoriko-pravovye issledovaniya)* [Japanese Antiquities (Historical and Legal Studies)] (pp. 130—180). Yekaterinburg: USLU. (In Russian).